

ДЮНКЕРК

Москва
Издательство АСТ

УДК 94(100)1940
ББК 63.3(0)62
Д 95

Д 95 **Дюнкерк.** – Москва: Издательство АСТ,
2017. – 288 с.

ISBN 978-5-17-104507-4

К 22 июня 1941 года перед Гитлером уже пали Франция, Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Греция и Югославия. Англия целый год в одиночестве обороняла свой остров, не зная, придет ли в конце концов ей кто-нибудь на помощь или нет. Сражения шли в Африке и Азии, в войну были вовлечены десятки стран...

Но эта книга, конечно, не о том, чей вклад в Победу был весомее. А просто попытка рассказать о еще одной трагической и героической странице Второй мировой войны. Той войны, которую мы до сих пор слишком плохо знаем.

УДК 94(100)1940
ББК 63.3(0)62

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем известно, что Вторую мировую войну выиграла мы. Это вам любой скажет.

А в Англии любой скажет, что войну выиграла они.

Что скажут в США, и так всем известно. И этот список можно продолжать и продолжать.

О чем на самом деле говорят такие категоричные утверждения? Прежде всего, даже не о патриотизме, а о том, как во всем мире изучают историю.

У нас принято ругать западные страны за то, что они присваивают себе Победу, мало знают о вкладе в нее Советского Союза и вообще принижают роль Восточного фронта и преувеличивают роль Западного. Эти упреки вполне обоснованны.

Вот только и у нас дело обстоит не лучше.

Простой вопрос: какие операции и сражения Второй мировой войны, в которых не принимали участие советские войска,

вы помните из школьной программы? Подзреваю, если вы не историк и не изучали историю Второй мировой еще где-то помимо школы, на память в лучшем случае придет Нормандская операция (открытие второго фронта). Ну и нападение на Перл-Харбор, спасибо голливудскому фильму.

Битва за Британию, Битва за Атлантику, Южно-французская операция, Арденнская операция, Дюнкеркская операция, прорыв Линии Зигфрида — в этих операциях гибли десятки тысяч человек, совершались подвиги и решались судьбы государств. В Англии, Франции, США и многих других странах ими гордятся, о них пишут книги и ставят фильмы. А что мы о них знаем? Почти ничего.

Да что там, большинство российских школьников вообще уверены, что Вторая мировая война началась 22 июня 1941 года. А что еще хуже — многие взрослые думают так же.

Не умаляя ни на секунду великий подвиг советской армии и всего советского народа, понесшего в этой войне невообразимые потери, все-таки надо всегда помнить: воевали не только мы. И война была не только Великой Отечественной, но еще и Второй мировой. К 22 июня 1941 года перед Гитлером

уже пали Франция, Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Греция и Югославия. Англия целый год в одиночестве обороняла свой остров, не зная, придет ли в конце концов ей кто-нибудь на помощь или нет. Сражения шли в Африке и Азии, в войну были вовлечены десятки стран...

Но эта книга, конечно, не о том, чей вклад в Победу был весомее. А просто попытка рассказать о еще одной трагической и героической странице Второй мировой войны. Той войны, которую мы до сих пор слишком плохо знаем.

Глава 1. ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут утра немецкая армия без объявления войны вторглась в Польшу. Вторая мировая война началась.

О нападении Германии на Польшу, бомбардировке Варшавы, Кракова и других городов в Лондоне и Париже узнали почти сразу. Польский министр иностранных дел Юзеф Бек позвонил Кеннарду, английскому послу в Варшаве, и сообщил ему, что началась война между Германией и Польшей.

Весь мир замер в ожидании дальнейших действий Англии и Франции, еще недавно гарантировавших Польше немедленную помощь в случае немецкой агрессии.

Конечно, беспокоили эти вероятные действия и Гитлера, но не так чтобы очень сильно. Почему? Для того, чтобы это понять, стоит вернуться на одиннадцать месяцев назад, когда 1 октября 1938 года Лондон востор-

женно встречал премьер-министра Англии Невилла Чемберлена, возвратившегося из Мюнхена после переговоров с Гитлером. Выйдя из самолета, он объявил: «Я привез мир нашему поколению!» И предъявил договор, в соответствии с которым Британия и Германия обязались впредь никогда не воевать друг с другом. Чехословакия, которую Англия еще недавно обещала защищать, была принесена в жертву политике умиротворения Гитлера, о чем стыдливо старались не вспоминать.

В палате общин Чемберлена тоже встретили как героя. Мюнхенские соглашения, которые позже красноречиво называли «Мюнхенским сговором», были ратифицированы подавляющим большинством голосов. Против выступили всего несколько человек, в том числе Первый лорд Адмиралтейства Дафф Купер, который в тот же день подал в отставку, и Уинстон Черчилль, произнесший по этому поводу одну из лучших своих речей.

«Мы потерпели полное поражение, — говорил он. — Условия, которые привез нам премьер-министр, могли быть получены обычными дипломатическими путями в любой момент еще летом. И больше того, если бы чехов с самого начала предоставили са-

ним себе и сразу предупредили, что им нечего рассчитывать на какую-либо помощь Запада, они добились бы для себя лучших условий; в любом случае, условий хуже быть просто не может... Вот увидите, что через какое-то время, которое может занять годы, но может и месяцы, Чехословакия будет полностью поглощена нацистским режимом... Наш народ должен знать, что мы потерпели поражение без войны, и его последствия будут долго преследовать нас на нашем пути. И не думайте, что все закончилось; это только начало сведения счетов, первый глоток, первые капли из горькой чаши, из коей нам предстоит еще не раз испить, год за годом, если только резкий подъем военной мощи и духа нации не поможет нам встать на защиту нашей свободы, как в былые времена».

Но его уже давно никто не слушал. Мнение людей, стоявших тогда во главе Англии, о возможной войне точнее всего выразил все тот же Чемберлен: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Еще более невоз-

можным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать методом войны».

В палате общин шутили, что предостережения Черчилля стали такими же привычными, как голос муэдзина в пустыне. Звучат себе и звучат фоном, никому не мешают. Но Черчилль не зря всегда верил в силу слов — даже если их не слушают, они все равно не пропадают бесследно. Так и произошло.

В середине марта немецкие войска заняли Прагу, Мюнхенские соглашения, подписанные всего несколько месяцев назад, превратились в пустую бумажку. Мир словно прозрел — почти всем вдруг стало совершенно очевидно, что политика «умиротворения», от которой еще недавно общество было в полном восторге, оказалась роковой ошибкой, у Гитлера хватит наглости разорвать любые соглашения. Война была уже на пороге.

И вот тогда вспомнили о Черчилле и его предостережениях. Он и правда не напрасно сотрясал воздух, не обращая внимания на насмешки и равнодушие. Теперь, когда его пророчества сбывались у всех на глазах, он из шута превратился в пророка. Все настойчивее зазвучали требования вернуть его в правительство — уже в мае, по данным

влиятельного агентства «Gallup», этого хотели 56% британцев (в марте эта цифра составляла всего около 7%).

«Над Европой воцарилась тишина. Что это за тишина? Увы! Это тишина тревожного ожидания, а для многих стран это тишина отчаянного страха. Прислушайтесь! Только прислушайтесь хорошенько! Слышите этот звук? Лично я слышу его вполне отчетливо, а вы? Это топот солдатских сапог по хрустящей гальке учебных плацев, по размокшей глине невспаханых полей — это шум шагов двух миллионов немецких солдат и более миллиона итальянцев...» — говорил Черчилль 8 августа 1939 года.

Но сторонники умиротворения во главе с Чемберленом упрямо держались за надежду все-таки договориться с Гитлером. Черчилль безуспешно пытался достучаться до товарищей по партии и убедить их, что сейчас куда перспективнее заключить союз Великобритании, Франции и СССР. Сам он сумел отодвинуть в сторону свою ненависть к коммунизму еще в 1938 году, когда советский посол обратился к нему с просьбой довести до министерства иностранных дел предложения СССР. «Черчилль, конечно, был антикоммунистом № 1 в королевстве, — пишет его био-

граф Франсуа Керсоди, — но прагматичного Иосифа Сталина подобные мелочи не смущали: враг моего врага — мой друг, а Черчилль считался врагом Гитлера уже пять лет».

В 1939 году такие переговоры все же начались, но только для вида — ни Чемберлен, ни его сторонники не желали договариваться с Советским Союзом... потому что такой альянс мог рассердить Гитлера. К тому времени уже, кажется, все поняли бессмысленность политики умиротворения, но кабинет министров продолжал упорно за нее цепляться. Польшей негласно решено было пожертвовать, на нее давили, заставляя уступить требованиям Гитлера. Одновременно Германии предложили значительные экономические льготы в обмен на заключение англо-германского пакта о ненападении.

24 августа 1939 года стало известно о заключении пакта Молотова — Риббентропа. Ни в Лондоне, ни в Париже никто не ожидал такого поворота — пока они тянули время, пытаясь умиловить Германию и сравить ее с СССР, те заключили между собой договор, оставив Францию и Англию с их «умиротворением» в дураках. Но даже это не заставило Чемберлена и его сторонников пересмотреть свою политику. Они все еще рассчитывали

как-то договориться с Гитлером. А поскольку они были у власти, Англия продолжала двигаться все тем же безнадежным курсом.

Находились они у власти и 1 сентября 1939 года, когда пришло время принимать решение. Через несколько часов после начала военных действий британский посол Гендерсон нанес визит в германский МИД и сообщил Риббентропу: «Если германское правительство не даст правительству Е. В. удовлетворительных заверений в том, что оно прекратит всякие агрессивные действия против Польши, и не готово незамедлительно отвести войска с польской территории, то правительство Е. В. в Соединенном Королевстве без колебаний выполнит свои обязательства по отношению к Польше». Через полчаса ноту похожего содержания Риббентропу вручил и французский посол. Более того, король Георг VI и французское правительство в тот же день подписали указы о мобилизации армии, флота и авиации.

Вот только, выполнив эти официальные маневры, английское и французское министерства иностранных дел поспешили заверить Берлин, что ноты носят предупредительный характер и на самом деле вовсе не являются ультиматумами. Одновременно

Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье обратились к Муссолини с просьбой о посредничестве, рассчитывая провести новую конференцию Англии, Франции, Германии и Италии, на которой надеялись вновь договориться о мирном разрешении проблем. Польшей, разумеется, пришлось бы пожертвовать, и все это понимали.

Но на дворе был уже не 1938 год. Открытый отказ от выполнения своих обязательств в отношении Польши вызвал бы негодование в самой Англии. Министр иностранных дел лорд Галифакс в телефонном разговоре 3 сентября сказал: «Если премьер-министр появится там [в парламенте] без того, чтобы было сдержано обещание, данное Польше, то он может натолкнуться на единодушный взрыв негодования и кабинет будет свергнут».

Поэтому 2 сентября Гендерсон от имени английского правительства уже в ультимативной форме потребовал от Германии прекращения военных действий в Польше и отвода германских войск. Ультиматум гласил: «Наступление Германии на Польшу продолжается. Вследствие этого имею честь сообщить вам, что если сегодня до 11 часов по английскому времени правительству Е. В. в Лондоне не поступит удовлетворительный

ответ, то, начиная с указанного часа, оба государства будут находиться в состоянии войны». Вслед за Англией так же поступила и Франция.

3 сентября Гендерсон и французский посол Кулондр пришли за ответом к Риббентропу. Тот сообщил им: «Германия отвергает ультиматум Англии и Франции и возлагает на их правительства ответственность за развязывание войны». Кулондр ответил: «В этих условиях я должен, по поручению моего правительства, напомнить вам в последний раз о тяжелой ответственности, падающей на германское правительство, начавшее военные действия против Польши без объявления войны и не уступившее настойчивой просьбе английского и французского правительств об отводе германских войск с польской территории. Я должен выполнить неприятную миссию и сообщить вам, что французское правительство, начиная с 17 часов сегодняшнего дня, в соответствии со своими обязательствами по отношению к Польше, считает себя в состоянии войны с Германией».

В тот же день лорд Галифакс передал представителю Германии ноту, в которой говорилось: «Сегодня в 9 часов утра посол его величества в Берлине уведомил по мое-

му указанию германское правительство, что если сегодня, 3 сентября, до 11 часов по английскому летнему времени правительству его величества в Лондон не поступит удовлетворительного ответа от германского правительства, то начиная с указанного часа оба государства находятся в состоянии войны. Поскольку таких заверений не поступало, честь имею сообщить, что оба государства начиная с 11 часов 3 сентября находятся в состоянии войны».

Это же был вынужден повторить и Чемберлен, когда в тот же день выступал в палате общин. «Сегодня, — говорил он, — печальный день для всех нас, и особенно для меня. Все, для чего я трудился, все, на что я так надеялся, все, во что я верил в течение всей моей политической жизни, превратилось в руины».

Черчилль по этому поводу произнес очередную речь: «Мы не просто хотим отвоевать у Германии Данциг или освободить Польшу. Наша задача — спасти весь мир от эпидемии нацизма и защитить общечеловеческие ценности. Мы вступаем в войну не ради мирового господства, имперских амбиций или материальной выгоды. Мы не собираемся лишать жителей враждебных нам стран надежды на